

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 102 (4068)

Вторник, 18 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Подводя итоги...

ПОСЛЕДНИЕ просмотры, последние встречи — темп фестиваля в оставшиеся дни конца тридцати еще быстрее, программа еще насыщеннее. Здесь и «включившийся» в фестиваль Московский День кино, в котором с удовольствием приняли участие зарубежные гости. И праздник в честь фестиваля на стадионе «Динамо» — на этот раз звезды мирового экрана выступили с арены спортсменов, а поклонники кино заняли на трибунах места болельщиков футбола. Наиболее примечательна из встреч этих дней — состоявшаяся 15 августа: очень живая и острая дискуссия кинокритиков разных стран. Из конкурсных фильмов наибольший интерес представляли картины Венгрии, Франции, Вьетнама.

Венгерские кинематографисты назвали свою картину «Вчера». В этом названии двойной смысл. Еще горят в памяти народа кровавые события 1956 года. Они — еще не забыты «вчера» и вместе с тем это «вчера», которое безвозвратно ушло в прошлое. С достоверностью кинодокумента воссозданы режиссером Мартоном Келети сцены контрреволюционного мятежа. Но с еще большей силой звучит в фильме мажорная тема веры в народ, в его победу над силами реакции.

Вьетнамский фильм «У общей реки» повествует о стране, разделенной на две части. Это первая картина вьетнамских кинематографистов. Зрители в Кремлевском театре горячими аплодисментами отметили успех молодого искусства демократического Вьетнама.

Французские кинематографисты представили на конкурс очень интересно задуманную картину «Приговор» — 1944 год. Группа участников Сопротивления схвачена фашистами — через час их должны казнить. Экранное время совпадает с действительным. Как поведут себя пять различных людей, как раскроется они перед лицом смерти? К социальной ситуации используются очень глубоко. Герои больше думают о предстоящей смерти, чем о жизни, которую они прожили. Авторы заставляют зрителя бесконечно о том, спасутся герои или нет, переживать с ними неудачи двух попыток побега. Но в картине нет больших размышлений. Она остается рассказом о частном, пусть волнующем факте, в то время как могла бы стать повестью о времени, о поколении.

Можно было бы подробно говорить и о других картинах, показанных в последние дни, но всего не обпомним. Пора подвести итоги.

ОНИ, эти итоги, конечно, материализованы в премиях фестиваля. Большой приз получила советская картина «Судьба человека». Золотую медаль получил западногерманский фильм «Мы — вундеркинды». Золотую медаль также получил пакистанский фильм «Настает день» и чешский «Бегство из тени». Призов и почетных дипломов удостоен и ряд других фильмов.

Однако вряд ли было бы правильным лишь ограничиться поздравлениями лауреатов конкурса. Московский международный фестиваль рождает ряд соображений общего характера. Для истории мирового кино Московский фестиваль представляет безусловную важную веху. Он подтвердил, что в наше время действительно, как сказал И. С. Хрущев, «широчайшее признание получают истинно художественные произведения киноискусства, проникнутые духом жизненной правды, помогающие людям в их борьбе за лучшее будущее человечества».

На фестивале было представлено мировое киноискусство в его наиболее существенных и наиболее современных проявлениях. Московский фестиваль показал, что рядом с признанными центрами кинематографии мира, вроде Парижа, Москвы, Рима, Праги или Голливуда, появились новые — Дели, Карачи, Даккарта и другие.

Демократизм, подлинное равноправие — вот важнейшие привлекательные черты прошедшего фестиваля. Не только страны, богатые опытом и традициями, но и совсем молодые кинематографии, создавшие лишь первый фильм, как равные, боролись за победу.

С каждым годом все новые изменения вносят в баланс мирового кино страны народной демократии. Их фильмы приносят на экраны новые темы, новые коллизии, новые характеры, рожденные самой жизнью. Человек и общество, человек и коллектив — вот основные проблемы и чешской картины «Бегство из тени», и китайского фильма «Новая история старого солдата», и албанской «Таны». Герои и авторы этих картин одушевлены напором строительства социалистического общества: эта увлеченность пронизывает и документальный фильм «Новая Болгария», и румынские короткометражки, и талантливый монгольский фильм «Посланец народа».

Было бы, конечно, неправильным оценивать фильмы стран народной демократии все вместе, забывая, что сюда относятся имеющие большие традиции кинематографии Польшы, Чехословакии, ГДР, Венгрии и делающие

лишь самые первые шаги кинематографии МНР, Вьетнама, Кореи, Албании. У каждого из этих национальных искусств свои особенности, свои пути. И свои трудности, недостатки, к которым относятся, например, известный схематизм образов, проявившийся в китайском фильме, прямолинейность решения конфликтов в «Также», затянута и эмоциональная суховатость монументальной «Песни матросов» (ГДР), однообразие режиссерских приемов в блестяще сыгранном артистами польском фильме «Орел».

Первую премию получила советская картина. Это большая честь, но это и ко многому обязывает. Советские кинематографисты должны обратить еще более пристальное внимание на общий уровень нашего кино: больше думать о его будущем — молодежи, непрестанно бороться с появлением картин серых, бездумных, обескураживающих и многокрасочную жизнь советского народа.

КИНОИСКУССТВО капиталистических стран было представлено на фестивале количественно весьма богато. Однако легко заметить одну особенность: многие интересные фильмы шли вне конкурса... очевидно, определенные круги некоторых государств не были заинтересованы в том, чтобы искусство их стран участвовало в фестивале.

Тем не менее фестивальная программа дала советскому зрителю возможность судить о состоянии современного кино капиталистических стран. Мы увидели и откровенные образцы развлекательного, рекламного кинематографа, вроде итальянских «Зимних каникул» или шведской картины «Подскакивает дача». Видели мы и произведения серьезные, сделанные честными и думающими художниками. Но даже в этой пестрой, неровной картине кинематографии буржуазного мира ясно видно одно важное качество, присущее современному экрану: с призывами к миру, любви, дружбе между народами сейчас выступают деятели кино, занимающие самые различные политические и эстетические позиции.

Как показали некоторые фильмы, гуманизм понимается очень по-разному. Не будем здесь подробно говорить о том «гуманизм», который по существу сильно смахивал на sentimentalную филантропию. Этот «гуманизм» породил сюжеты о бедных приемных и сиротах, о слепых скрипачах и грубых морских волках, притиснутых и непривычным отношением обязанностей. Именно поэтому в японском, датском, английском фильмах, при всех добрых намерениях авторов, дистанция, лежащая между тем, что изображено в этих картинах, и подлинной жизнью, — весьма велика.

На французском фильме «Хиросима» любовь «моет» лепить печать сильного и своеобразного таланта. История любви французской и японца в городе атомной войны — Хиросиме в трактовке режиссера Алана Ренэ приобретает подлинную, хочется сказать, многозначительно обобщенный характер. Внутренний мир фильма организован предельно жестко, экономно: в нем нет места случайному, жизненной прихоти, каждая деталь осмысленна, за каждым эпизодом — обобщение. Фильм читается, как шарада, в которой одну фразу невозможно понять, если не расшифрована предыдущая, и сам по себе кадр ничего не говорит, если не берешь его в контексте всей сцены.

Эта стилистика может нравиться или не нравиться. Можно спорить, насколько плодотворно стремление материализовать поток сознания, строить фильм, как цепь картин, имеющих не объективно-жизненное, а только субъективно-психологическое значение. Но дело даже не в этом. Чем внимательнее смотришь этот фильм, тем больше внутреннее сопротивление вызывает по видению жизни, которое вытекает из авторских кадров — сплетение двух обнаженных тел — смелые жесткие образы изуродованных атомным взрывом тел живых Хиросимы. В этом сопоставлении сразу угадывается мысль автора. Он встает против войны, против того, что так жестоко калечит человека, предназначенного для жизни, для любви.

Но дальше автор приводит нас к истории французкини, которая во время войны любила немца. Он был убит бойцами Сопротивления, ее же — подвешен публицическому походу. И это изломало душу героини — как Хиросима наложила свой след на душу японца. Природа обоих случаев, по мнению авторов фильма, равнозначна. «Я поняла, ты — Хиросима, я — Невер!» — восклицает в финале героиня фильма. Всякое насилие над человеком, все, что мешает ему жить и любить так, как он хочет, будь то беспощадное убийство двухсот тысяч людей в Хиросиме или осуждение коллаборационистки в Невере, преступно, утверждает автор. И здесь неминуемо вступаешь с ним в спор. Абстрактность постановки моральной про-

блемы компрометирует идею автора. Мы не знаем, кто этот немец, которого любила героиня фильма, — антифашист он или эсэсовец, человек, ненавидящий войну, или исполнительный гитлеровец. Мы видим только его форму и сапоги. Любовь всегда права, ее нельзя разрушить, говорит автор. А мы думаем, что, может быть, этот немецкий солдат, пришедший во Францию как завоеватель, уничтожил сотни других людей. И что поэтому права те французские патриоты, которые убили оккупанта и осудили свою соотечественницу. Гуманизм Алана Ренэ и сценариста Маргерит Дюра, кажущийся на первый взгляд столь последовательным, радикальным, оказывается, в итоге, чрезвычайно уязвимым. Отрицая всякое насилие, авторы тем самым дают ему дорогу. Убежденность в праве человека на счастье не подкрепляется активной защитой этого права.

Нам кажется, что эти же чувства пассивной созерцательной любви к человеку и недостаточной веры в его силы стали лейтмотивами фильма «Дневник Анны Франк», фильма талантливого, серьезного, но не раскрывшего всей незаурядности Анны Франк, не увидевшего в ее реальной жизни борьбы человеческого достоинства с фашизмом, уничтожающим человеческое в человеке. Позиция художника, создавшего и «Хиросиму», и «Дневник Анны Франк», — это позиция пассивная. Их герои не борются за человека, за гуманизм, за свое право на счастье. Но и сами авторы, к сожалению, не поднимаются выше своих героев.

Главное достоинство фильма «Судьба человека» заключается как раз в том, что герой его во всех своих горестях и потерях сохраняет веру и надежду, что он борется до последнего, и борется не только ради себя. Главная в фильме стала тема стойкости, а не страдания. Стойкость человека, борющегося за свои общественные, патристические идеалы. Здесь и лежит подлинный гуманизм, который помогает человеку жить и бороться, отстаивает его право на счастье и учит, что счастье достигается кровью и потом. И успех немецкого режиссера Курта Гоффмана именно в том, что в фильме «Мы — вундеркинды» он провел своего героя Ганса Бенкеля от пассивных уступок фашизму, от либерального прекрасноразумия и обывательского невместельства к пониманию того, что без борьбы фашизм остановить нельзя.

Эти две концепции гуманизма весьма определенно выразились и в некоторых других фильмах. Они ясно противопоставляют друг другу в современном искусстве. Думается, что нет надобности говорить на стороне какой из них находится правда истории.

Весь ход Московского кинофестиваля подтвердил, насколько своевременно и точно были избраны лозунги этого международного смотря. «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» — под этим девизом фестиваля подписались художники 44 стран. И самый плодотворный, самый важный итог двухнедельной работы фестиваля заключается в том, что он способствовал сближению прогрессивных кинематографистов мира и со всей убедительностью показал, что только в служении прогрессу, светлым человеческим идеалам лежит подлинная дорога киноискусства.

Эмрис ХЬЮЗ,
лейборист, член английского парламента

Горячее одобрение

ИЗВЕСТИЕ о предстоящей поездке г-на Хрущева в США и посещение президентом Эйзенхауэром СССР встречено лидерами английских политических партий и прессой с горячим одобрением.

Премьер-министр Англии г-н Макмиллан мог бы заявить, что его поездка в Советский Союз в феврале помогла сломать лед и расчистила путь для визита президента Эйзенхауэра.

Консервативная газета «Санди таймс» подает, что решение Эйзенхауэра «может оказаться наиболее важным решением из всех принятых им за время его президентства, отмеченного до сих пор скорее доброй волей, нежели позитивными делами на мировой арене». Газета добавляет: «...Отдавая должное г-ну Эйзенхауэру, мы не должны забывать, что он... последовал политике, постоянно проводившейся и поддерживаемой г-ном Макмилланом».

Англия находится накануне всеобщих парламентских выборов. И консерваторы явно пытаются сделать г-на Макмиллана героем дня, заявляя, что именно ему удалось склонить президента Эйзенхауэра на свою сторону. Во время предвыборной кампании нам, по-видимому, предстоит услышать немало о том, что сделало правительство для ослабления международной напряженности и улучшения отношений с СССР. Некоторые политические пророки считают, что это обстоятельство и является решающим фактором, который обеспечит консерваторам победу. Г-н Макмиллан — опытный политический деятель; он, можно ожидать, воспользуется любым международным событием, способным убедить английских избирателей в правильности политической линии консервативной партии.

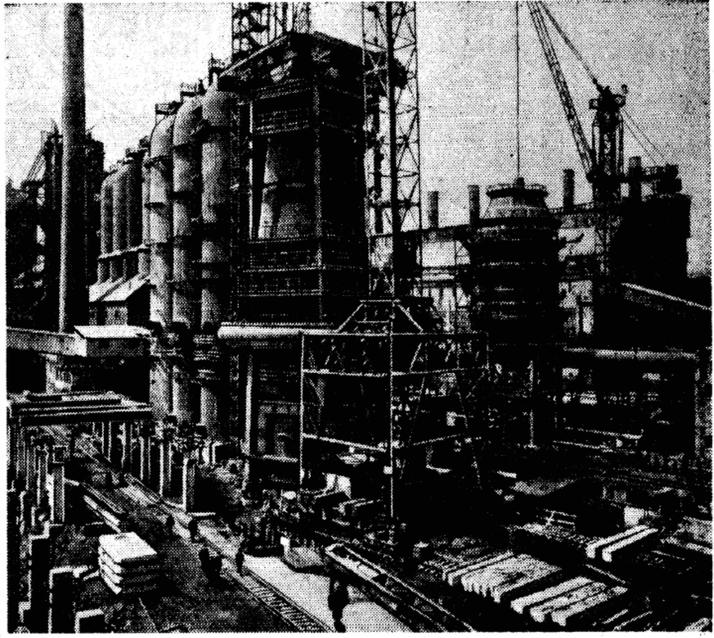
Если его удастся представить в роли «человека мира», успешно ведшего переговоры с Америкой и Советским Союзом, то это поможет избирателям забыть непопулярную войну из-за Суэцкого канала, так сильно дискредитировавшую консервативное правительство и приведшую к отставке сэра Антона Идена.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

В МОСКВУ из Сибири возвратилась вторая бригада выездной редакции «Литературной газеты». Ее маршрут был от Иркутска до Новосибирска.

Из Абакана выездная редакция двинулась в Сталиноск по новой, недавно открытой железной дороге, соединившей столицу Хакасии с городом Кузнецким металлургов — Сталиноском. Отсюда путь бригады пролегал к центру Кузбасса — Кемерово. Свою работу бригада завершила в Новосибирске, выпустила шестиполовинный номер многотиражки «Литературная газета в Сибири». В нем выступили многие местные писатели и журналисты.

Всего вторая бригада выездной редакции «Литературной газеты» выпустила пять многотиражек, провела 21 встречу писателей с рабочими, колхозниками, интеллигенцией городов и сел.

Строительство новой доменной Кузнецкого металлургического комбината. Фото М. Трахмана.

Победила молодость

СПУЩЕНЫ флаги, розданы призы и медали, отзвучали гимны в честь победителей... Восемь тысяч спортсменов прошли парадом по стадиону... Вторая спартакиада народов СССР закончилась.

...На двери одной из комнат Малой спортивной арены висела табличка: «Группа учета рекордов». Если верить некоторым спортивным обозревателям, же не в спортивной ходьбе на 50 километров установил представитель Российской Федерации Анатолий Вадьяков, значительно улучшил мировое достижение тяжелоатлета среднего веса Рудольф Плюкфельдер и Василий Пегов из сборной команды областей, краев и автономных республик РСФСР. Вот как будто бы и все...

— Нет, это далеко не все! — категорически возразил Николай Дмитриевич Шубочкин, руководитель «группы учета рекордов». — Мы зарегистрировали более 300 рекордов. 154 республиканских и 151 добровольных спортивных обществ и ведомств. 10 результатов превышают всеобщие достижения, а три из этих десяти — мировые.

Эти цифры говорят о значительном росте мастерства спортсменов периферийных команд, они — свидетельство того, что спорт у нас приобрел самый широкий размах.

И совсем не случайно поэту на Второй спартакиаде ничего нельзя было предложить заранее, вплоть до самого последнего дня.

Как вы думаете, что возмает первое место? — спросила группа журналистов у одного спортивного «кислотника», дающего обычно безошибочные прогнозы.

— Ничего не могу сказать. Сами видите, положение меняется каждый час. Это было в день полуфиналов. Но и в день финальных соревнований еще не сразу было ясно, кто же все-таки победит. О том, насколько напряженной и острой была спортивная борьба, говорит количество очков, набранных лидерами. Москвичи набрали 344 очка. Спортсмены областей, краев и автономных республик России отстали от них лишь на 14 с половиной очка, а ленинградцы — на 20 очков.

Очень успешно выступили на спартакиаде спортсмены Эстонии и Латвии. На прошлой спартакиаде, например, эстонские баскетболисты заняли лишь седьмое место. В этот раз они спорили с москвичками за первенство.

Во всех двадцати двух видах соревнований замечен сильный натиск молодых спортсменов. Особенно показателен в этом отношении бокс. Из шести чемпионов страны, участвовавших в спартакиаде, до финала «добравших» лишь один — Васин. Но и ему не удалось сохранить почетное звание — он занял только второе место. ...8 000 финишеров, участников закончившейся спартакиады, представляли 40 миллионов спортсменов Советского Союза. Сейчас несложно догадаться: а какой же размах примет физкультурное движение в самое ближайшее время? Ведь среди спортсменов получила широкое распространение формула «один плюс два». Иначе говоря, каждый спортсмен должен подготовить двух себе подобных. Кто знает, может быть, в следующей спартакиаде участие примут уже не сорок, а все сто миллионов человек!

В. КАМАНИН

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА

В октябре нынешнего года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося осетинского поэта и общественного деятеля, революционного демократа, основоположника осетинской художественной литературы Коста Хетагурова.

Государственное издательство Югославии выпустило книгу стихотворений К. Хетагурова «Ирив фенар» («Осетинская лира»). Изданы также монографии кандидата филологических наук Н. Джусова и кандидата исторических наук З. Цховребова, посвященные жизни и общественно-политической деятельности поэта. Подготовлено к печати новое издание сборника стихотворений, написанных К. Хетагуровым на русском языке. Издается книга произведений поэта на грузинском языке и воспоминания его современников.

К. Хетагуров был также первым осетинским художником, основоположником национальной живописи. К юбилею выйдет в свет цветной альбом его картин. Сталинградский драматический театр готовит к постановке драму К. Хетагурова «Дуна» и пьесу о жизни поэта. На днях в селе Арапшерани Лагодехского района открыт памятник К. Хетагурову. Памятник поэту сооружается также в селе Хетагурово Сталинградского района.

Новая инициатива и Англия

Россия перестала быть пугалом

Это, конечно, отчасти понимаем лидеры лейбористской партии г-н Гейтскелл и г-н Бивен, которые еще в этом месяце собираются посетить СССР. Побывав они там в прошлом году, до г-на Макмиллана, они стали бы утверждать, что он следует их инициативе. Теперь же консерваторы будут заявлять, что первым-то в Россию поехал Макмиллан и что лейбористы, мол, лишь повторяют его пример.

Таким образом, есть основания говорить о новом политическом климате накануне всеобщих выборов. В ходе предвыборной кампании обе главные политические партии будут соперничать перед избирателями — какая из них сделала больше для того, чтобы добиться дружественных отношений с Советским Союзом.

Почти на всех выборах после первой мировой войны кандидаты консервативной партии рассматривали СССР как воплощение всяческого зла и стремились клеймить своих политических противников как «коммунистов» или «их соучастников». Теперь подобная тактика уже не может дать политического выигрыша — ведь сам г-н Макмиллан оказался в некотором роде «коммунистом коммунистов», проявившись столько лестных слов в адрес Советского Союза и его руководителей. Так что в предстоящую избирательную кампанию мы вряд ли услышим много о «коммунистическом пугале».

Г-н Бивен, которому обеспечен портфель министра иностранных дел в случае победы лейбористов на выборах, привнесет весте с предстоящим обмене визитами между Хрущевым и Эйзенхауэром, все же не может удержаться от некоторых опасений.

Газета «Ньюс оф юрэл» поместила его статью, где он пишет: «Посещения других стран главами государств или менее высокопоставленными лицами не обязательно ведут к установлению более дружественных отношений. Подобные визиты предшествовали войне 1914—1918 годов, не было в них недостатка и перед второй мировой войной... Ни из че-

го не вытекает, что личная встреча между г-ном Эйзенхауэром и г-ном Хрущевым позволит заключить какое-либо долгосрочное соглашение... На этой стадии лучше всего не ждать от нее слишком много. Но зато будет создан механизм международных взаимоотношений в период, когда этот механизм скрипит и вот-вот остановится. И это должно облегчить подготовку официальной встречи в верхах, которая, по мнению большинства людей, вероятно, состоится вскоре».

В заключение Бивен пишет: «Так или иначе, встреча между обоими государственными деятелями является желанным оазисом в сухой и бесплодной пустыне нынешних международных отношений. Давайте тем временем не упускать ни одной возможности для установления дружеских контактов между Советским Союзом и остальным миром. Вдохновленные такими мыслями, г-н Гейтскелл и я намерены в конце месяца отправиться в Россию».

Позиция Англии

Итак, в Англии, мы видим, царит почти полное единодушие в признании желательности встречи глав двух государств, которая впоследствии приведет к совещанию в верхах.

Понятно, что в случае прекращения «холодной войны» и уменьшения огромных налогов, идущих на военные нужды, англичане ничего не потеряют, а только выиграют.

Вступив в НАТО, Англия превратилась в главную базу американских военно-воздушных сил в Западной Европе. Недавняя переброска на Британские острова американских бомбардировщиков из Франции серьезно встревожила английское общественное мнение — все понимало крайнюю опасность, угрожающую Англии, если разразится ядерная война. В стране ширится движение протеста против создания на английской территории ракетных баз США. Предполагают, что об этом будет идти речь на конгрессе третьюнон, который состоится в будущем месяце. Г-н Гейтскелл и г-н Бивен сталкиваются со все более усиливающимся давлением со стороны третьюнонов, требующих положить конец страте-

Мы можем покончить с «холодной войной»!

Мы столь привыкли к «холодной войне», что склонны рассматривать ее как непреходящее условие международных отношений, с которым надо мириться, как альтернативу «горячей войне» и всему тому, что она несет человечеству.

Но ведь такая концепция — капитализма перед пессимизмом и цинизмом, отсутствие веры в гуманизм!

Теперь во всем мире видны отрывные признаки того, что народы не желают продолжения тонки ядерных вооружений, ведущей к самоуничтожению. И они с полным правом полагают на то, что визит г-на Хрущева в Америку и поездка президента Эйзенхауэра в СССР явятся историческими шагами к достижению международного соглашения, которое устранил страх войны и даст возможность всем народам обратить свои ресурсы и энергию на повышение жизненного уровня, на быстрое движение по пути цивилизации.

ЛОНДОН, 17 августа. (По телеграфу)

ВЕЛИКОМУ БАСНОПИСЦУ

В Калинин состоялся торжественное открытие памятника великому русскому баснописцу И. А. Крылову. Создатели памятника: скульпторы С. Шапошников, И. Горлов, архитектор Н. Донских.

На Московском международном кинофестивале, Антриса Пузырин (слева), получившая приз фестиваля за лучшее исполнение женской роли в монгольском фильме «Посланец народа», и чехословацкая киноактриса Людмила Вендлова — исполнительница роли Марты в кинофильме «Бегство из тени», удостоенном золотой медали фестиваля. Фото П. Маньча

ЕЩЕ РАЗ ОБ АЗБУЧНОЙ ИСТИНЕ

ДВЕ ТЫСЯЧИ
В МИНУТУ

3 АПРЕЛЬ в квартире у любого советского человека, в токарю или к врачу, к шоферу, прядильнице, бухгалтеру, шахтеру: редко вы не увидите книжного шкафа, полки, стеллажа, этажерки с книгами.

Многие колхозники завели домашние библиотечки. Перед магазинами подписных изданий — постоянные очереди. В трамваях, автобусах, в метро, на заводах во время обеденного перерыва, на пляже — всюду люди с книгой, журналом, газетой.

Иностранцы туристы, для которых Советский Союз все еще загадка, это понимают. Для нас же это естественно, книга — основа нашей культуры, книга нужна всем.

По росту книжной продукции Советский Союз занимает первое место в мире. В 1958 году была издана 63 641 книга общим тиражом свыше миллиарда ста трех миллионов экземпляров. В 1965 году будет выпущено миллиард шестьсот миллионов экземпляров.

Уже теперь каждую минуту выходит в свет больше двух тысяч экземпляров книг!

Независимо в «Литературной газете» было напечатано письмо в редакцию под названием «Создадим общество друзей книги». Письмо подписали ученые, артисты, писатели, художники, работники библиотек.

Мы полностью поддерживаем этот призыв.

КНИГА —

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Внешний вид книги, ее оформление, бумага, четкость печати, чистота красок — это не прихоть, не роскошь. Книга должна радовать взгляд, приглашать заглянуть за переплет.

И мы требуем, чтобы наши книги издавались лучше, чтобы они были произведениями полиграфического искусства.

А кто же может возразить против этого? Не в открытые ли ворота мы ломясь? Почему, собственно говоря, мы поднимаем этот вопрос?

Ленинград, один из старейших и крупнейших центров полиграфической промышленности, издавая славился искусством печатания. И сейчас можно назвать десятки славных имен полиграфистов: пинтографов, ретушеров, печатников цветной репродукции, трафаретщиков, фототипистов, которые трудятся самоотверженно и вдохновенно.

А сколько таких же умельцев в Москве и других городах!

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОРОВ!

ЛИТЕРАТУРА и воровство... Что может быть несомненным этих двух понятий, особенно у нас в социалистическом обществе, где любое присвоение чужого труда карается всеобщим презрением. И все-таки, к сожалению, нет-нет и обнаруживаются случаи самой беззастенчивой кражи, что называется, «на виду у всех».

Более десяти лет назад я напечатал в «Огоньке» стихотворение «Вот и жито поспело». В 1949 году оно было положено на музыку композитором Захаром Левинкой и вышло вместе с другой его песней на мои слова в Музгизе под названием «В поле» («Две лирические песни»). В том же 1949 году издательство «Советский писатель» выпустило мой сборник «Зеленый цех», в который вошло и это стихотворение.

В последних своих сборниках я его не перечисляю, не выходило оно и в книги моих избранных стихов. Включил я его только в двухтомник, недавно вышедший в Гослитиздате.

И вдруг, перелистывая восьмой номер журнала «Крестьянка» за текущий год, я обнаружил там это стихотворение с изначальной иллюстрацией, но за другой подписью. Под ним стояла фамилия «Вл. Соловьев». Сверив первоначальный текст с первоначальным, я убедился, что плагиатор переписал его весьма «добросовестно», слово в слово. Только в одном месте тире заменил запятой. Впрочем, это мог сделать не он, а корректор издательства.

Я не знаю, кто такой этот Вл. Соловьев, чем он занимается и что побудило его послать в редакцию за своей подписью чужие стихи — наивно ли желание во что бы то ни стало напечататься в популярном журнале и тем прославиться среди своих знакомых, или желание получить гонимый за чужой труд, а так быть, что будет, или провокационное намерение «попытать» работников литературной консультации, которые, по мнению некоторых неудачливых авторов, относятся внимательно только к стихам, подписанным громкими именами, а все другие бракуют, независимо от качества. Это уже дела не меняет. Дурной поступок всегда остается дурным поступком, и извинить его нельзя ничем.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов и в адрес работников редакции. Будет очень плохо, если суть этого неприятного случая они не поставят перед собой как задачу, а не как повод к новому выводу: нужно внимательно следить за советской поэзией.

Н. РЫЛЕНКОВ

Платформа «Радищево»

603-й километр — так еще недавно называлась новая железнодорожная платформа под Москвой, между станциями Поваровка и Алабушево Октябрьской железной дороги.

Сейчас этой платформе присвоено название «Радищево». В давние времена неподалеку отсюда проходил тракт, по которому писатель А. Н. Радищев совершил «на перекладных» свое знаменитое путешествие из Петербурга в Москву.

А разве нет у нас художественно изданных книг? Назовем хотя бы «Анну Каренину» Л. Н. Толстого, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, альбомы типа «Эрмитаж»...

Но таких изданий, к сожалению, немного. Мы малотребовательны к оформлению книг. Ведь если говорить по совести, то и эти самые лучшие наши книги могли быть лучше.

Корень зла — в краске и бумаге! Какие бы умелые руки, верный глаз, художественный вкус ни были у мастеров, сколько бы они ни прилагали усилий, они не добьются желанного: нужна хорошая бумага, хорошие краски. Кроме того, краски и бумага должны соответствовать друг другу. Самые лучшие краски оказываются бессильными на бумаге, которая не соответствует им. И самая хорошая бумага не спасет положения, если краска не будет подобрана именно к этому сорту бумаги.

Азбучная истина? Да, но, видимо, не для всех. И приходится снова и снова напоминать о ней.

ПОЛОСАТАЯ И РАЗНОЦВЕТНАЯ...

Поговорим о бумаге.

Для художественных изданий книг необходима мелованная бумага. Ее вырабатывают главным образом три фабрики: «Гознак» в Ленинграде, «Октябрь» в Москве и Корюковская фабрика в Черныговской области. Худшую бумагу выпускает Корюковская фабрика. Но даже и лучшая не отвечает техническим требованиям художественной печати.

Как известно, существует государственный стандарт, определяющий необходимые качества того или иного сорта бумаги.

В 1958 году был создан проект нового ГОСТа — с пониженными требованиями. Так, например, понижено требование к гладкости бумаги, не упоминается о таком важном качестве, как впитываемость, а ведь от того, как бумага впитывает краску, зависит качество полиграфического исполнения.

Но даже и таким пониженным требованиям нового ГОСТа мелованная бумага чаще всего не соответствует. Нередко в одной и той же партии попадаются бумага разной толщины, гладкости, плотности. Ясно, что на такой бумаге плохо отпечатать книгу невообразимо.

В последнее время качество бумаги становится все хуже. Особенно отличаясь Корюковская фабрика, которая умудряется поставлять своим заказчикам полосатую, разного оттенка бумагу.

С ЧУЖОГО ПЛЕЧА

Лучшие издания наших дней печатаются на мелованной бумаге обычно черной краской с иллюстрациями такого же цвета.

Каково же будет удивление непосвященных в это дело людей, если им сказать, что черной краской на мелованной бумаге у нас вообще не существует. В дело идет краска, предназначенная для обыкновенной бумаги, другими словами, с чужого плеча.

Вот отчего порой так бледен шрифт, так серы, не насыщены цветом, мало-выразительны иллюстрации.

Не радуют и цветные краски. Больших успехов добилась за последние годы химическая промышленность. Однако эти успехи не отразились на красках для полиграфии. Триада № 71 (набор красной, синей и желтой красок) неправильно построена, у красок недо-

статочный цветовой охват, они грязны по тону. Они хуже красок триады № 91, которая почему-то снята с производства.

Кроме того, часто краски одного и того же номера имеют разные оттенки, и приходится, начав работу, останавливать печатные машины.

Можно добавить, что не созданы еще до сих пор прозрачные желтые краски, не хватает глянцевых и двухтоновых (их выпускает один московский завод, и то в ограниченном количестве), не вырабатываются спиритоточные краски.

ОБИДЫ ПОЛИГРАФИСТОВ

Список обид полиграфистов, а вместе с ними и потребителей книги, далеко не исчерпан.

Почему так ограничен материал для переплетов, форзацев? Почему картон не калиброванный, низкого качества?

Полки промтоварных магазинов забыты штапелем превосходных расцветок, однако в полиграфии штапель не поступает, обложки книг скучны и, в сущности, все на одно лицо. Хозяйственники возводят такие преграды, что шталею никак не украсит нашу книгу.

Нет высококачественного прорезиненного полотна для декей, нет хорошей двухсторонней фольги.

Пора Министерству культуры СССР обратить внимание на позорное положение в полиграфии.

Особо хочется сказать о типографии имени Ивана Федорова.

Это одна из старейших отечественных типографий. Уже полвека назад она выпускала цветные картины, открытки, портреты, исполненные способом высокой печати и фототипии.

Многое изменилось за годы Советской власти в типографии имени Ивана Федорова. Старое заочное здание затерялось среди высоких светлых корпусов. Да и само оно перестроено. Работают новейшие машины, механизированы ручные процессы.

Благодаря реконструкции производственная мощность типографии к концу семилетки возрастет более чем в два с половиной раза. Реконструкция, по решению Совета министров СССР, должна закончиться в 1959 году.

Казалось бы, работы должны идти полным ходом, но это не так. Больше десяти месяцев спорят между собой Ленинградский совнархоз и Ленгорисполком о предоставлении типографии участка под строительство котельной высокого давления.

Вопрос, которые поставлены в нашем письме, должны быть разрешены как можно скорее.

П. ДАЛЕЦКИЙ,
писатель,
М. ВАНЮКОВ,
директор типографии имени И. Федорова,
Ю. МЕЗЕРНИЦКИЙ,
художник,
Б. СЕМЕНОВ,
художник,
К. МЕРКУЛЬЕВА,
писательница.

ЛЕНИНГРАД

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА КРАСИВ СТАЛИНСК...

Цвети и славы, город стали, Трудись, не покладая рук, Чтоб новые заводы встали, Чтоб расцвели сады вокруг!

новые семьи: в этом году в Сталинске отпраздновали более трех тысяч свадеб!

Сталинск — город молодой и по возрасту, и по населению. В нем 58 тысяч школьников и студентов. Здесь много учатся, много читают, любят книги: в городских библиотеках — 4 миллиона томов.

Мы знаем, что быть патриотом своего города — это значит бороться с недостатками, которые мешают ему стать лучшим городом в стране. Став патриотом Сталинска, мы, московские писатели, не могли не увидеть и его недостатков. Вот некоторые из них, подмеченные фотообъективом. 1. О строительстве городского театра в Сталинске упоминается даже в Большой Советской Энциклопедии. Как видите, с тех пор мало что изменилось — театр все еще строится. 2. В самом центре Сталинска, на фоне красивых современных зданий из бетона и стекла, мы вдруг увидели покосившиеся, старые деревянные телефонные столбы. Эта старина не умилет даже старожилы прежнего деревенского Кузнецка. 3. Молодые люди, облепившие трамвай на проспекте Металлургов, не подозревали, что будут фигурировать в газете как фотообъективированные. Впрочем, такие сценки мы видели и в других районах Сталинска. — Это не украшает ваш город, товарищ Мальцев — председатель исполкома городского Совета!

ЭТИ строки опубликованы в многотиражке «Литературная газета» в Сибири, выпущенной нашей выездной редакцией в Сталинске. Социалистический город, выросший в предгорьях Салаирского кряжа, на месте заложного Кузнецка, город, ставший столицей сибирской металлургии, захватывает своим прекрасным обликом — прямыми, как стрела, проспектами, площадями, ансамблями жилых и общественных зданий, дворцами культуры, парками. Снимок (вверху), сделанный с высоты птичьего полета, выразительно показывает, что могут сделать на богатой сибирской земле горячие сердца и сильные руки строителей. Таким городом можно гордиться! Вероятно, именно такими чудесными социалистическими городами станут к концу семилетки юный Братск на Ангаре и молодой Ангарск. Новые города семилетки могут брать пример с своего старшего брата-красавца, заложенного в Кузбассе в годы первой пятилетки.

Здесь строят не только новые дома. Каждый год в процессе строительства находится около 100 домов — жилых и административных. А где новые дома — там, как правило, и

...НО ЭТО НЕ УКРАШАЕТ ГОРОД

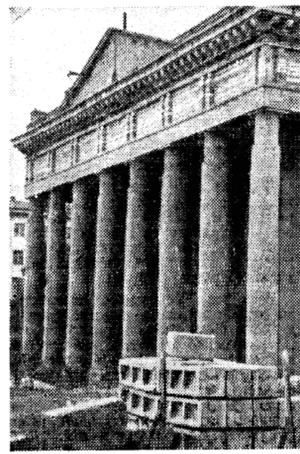

Фото М. Трахмана

«КУЗЕН ПОНС... Кузен Понс...»

Я повторяю эти слова, шагая по комнате. Из широкого окна гостиничного номера видна величавая излучина Волги. На той стороне реки дымят высокие трубы. Новые, поблескивающие стеклом фабричные корпуса уходят к самому горизонту и там теряются в степной дымке.

Улица, на которой стоит гостиница, — главная улица, вернее, одна из главных. Некогда этот город числился в списке заложных купеческих городков. Достопримечательностями его были ресторан — настоящая обжора с хором цыган — да причальная пристань пароходного общества «Кавказ и Меркурий».

Те времена давно канули в вечность. Ныне жители полумиллионного города называют другие достопримечательности: театр оперы и балета, драматический театр, планетарий, фабрики, заводы... Город связан со столицей подложной скорых поездов, трамваями скоростных самолетов и рейсами многотысячных теплоходов. Здесь выходят три ежедневные газеты. По вечерам десятки тысяч горожан устремляются к экранам кинотеатров и телевизоров...

А как изменился духовный мир людей! Это — город интеллигенции, город, давший стране героев войны и героев труда, ученых, известных широкому кругу писателей, художников...

Я все шагаю, а из головы нейдет: «Кузен Понс... Кузен Понс...»

За десять дней пребывания в этом городе мне довелось познакомиться со многими. Были среди них и кузницы, и педагоги, инженеры и служащие учреждений, и студенты, люди разных возрастов. Они из них похотевали своим здоровьем на фронте, но все еще продолжали трудиться; другие прославились у станков; третьи — помоложе — готовились хоронить послужить своему народу. И о чем бы с ними ни говорил, я понимал, что люди эти — новые, с особым обликом, особым подходом к делу. И это новое, порожденное социалистической действительностью, — повсюду: в семье, на работе, в школе...

Но вот третьего дня познакомился с родственниками покойного художника Александра Тимофеевича М., узнал об их огорчениях. И вот хочу по номеру, а в голове этот самый «кузен Понс».

Старинный. Бальзаковский. Коллекционер картин, чье наследство делили корыстные люди. Делили тут же. Над его гробом...

Наследник Геня

Георгий ГУЛИНА

Я вспоминаю подцелов этих, беззастенчивых хищников Фрезье и Вильмо, представляло себе мирового судью и протокол и всю эту отвратительную сцену, разрагивающую при их участии вокруг наследства Понса...

Александр Тимофеевич, окончив Академию художеств в Петербурге, вернулся в родной город. Любимо писал он волжские виды, природы и городские пейзажи, портреты друзей. Это был труженик, добротный деловитый свое любимое дело.

У него было четверо детей. Дочь Евгения Александровна — врач по специальности — пошла под Винничей во время войны. Сын Степан Александрович давно обосновался в Ленинграде. Другой сын, помоложе, Федор Александрович с его одноклассником Валентином Александровичем с семьями жили на соседней улице, неподалеку от отца и матери, помогали родителям, делили с ними и горе, и радости.

Мать неутешно горевала. И по дочери, рано погибшей, и по сыну, который жил в Ленинграде и редко, очень редко и неотомно отвечал на письма и телеграммы, жалуся на свою занятость.

— Отрезанный ломоть, — говаривал о нем художник.

Ну, что ж, в семье не без урода. Была в жизни и такое. О ленинградце понемногу стали забывать. Только мать не забывала. Она болела, и ей хотелось поглядеть именно его, своего перенца. Но он, как всегда, был «очень занят».

И вот умерла мать. И только тогда получили из Ленинграда окуную, соблазнительную телеграмму.

Снова связь прервалась. Ленинградец основательно замолчал. Но вдруг пришло сообщение о его смерти. Об этом написали чужие люди — его соседи по квартире.

— Бобыль есть бобыль, — сказал старый художник. — Спасибо его соседям — повестили нас.

И он по-прежнему писал картины. Писал... Но вот однажды, работая у мольберта, художник странно присел и, едва успев крикнуть, упал навзничь... Так он ушел из жизни.

ОСОБНЯЧОК над Волгой осиротел. Сидя, посаженный рукою художника, словно заругали... Сыновья Александра Тимофеевича решили выполнить волю покойного: отдать

городскому Совету дом вместе с тремястами работами художника и полсотней картин старых русских художников... Городской Совет держался того мнения, что дар следует принять, а в обязательном порядке музей, своего рода картинную галерею, которая, может быть, в будущем разрастется до солидных размеров. Что же, мысль отличная.

Но не тут-то было! Оказалось, что волею покойного не так-то просто осуществить. Впрочем, юристы сказали, что это надо было предвидеть... Дело в том, что вскоре после похорон в особняк завлялась женщина средних лет и без дальних слов представила сыновьям Александра Тимофеевича «внука художника».

— Вот он, ваш Генечка, — сказала дама в ярчайшем, глубоко декольтированном платье.

— Усть как это нам? — спросил ее удивленно.

— Очень просто. Я была женой Степана Александровича. А это наш общий сын. В день смерти дедушки ему не было еще восемнадцати. Вот справка. Вот на ней печать. Все в порядке! Согласно закону, Геня — наследник своего дедушки... Генечка, смотри же дом. Не стесняйся, дурачок! Ты же у себя дома. Геня — здоровенный парень. Ровношеский. Одет по моде.

С влохмаченными рывжаватыми волосами.

Он начал шарить по комнатам, ко всему присматриваясь взглядом юного Шерлока Холмса.

Родственники художника были потрясены этой бесцеремонностью. Ни о какой жене Степана Александровича они и понятия не имели, так же как о внуке. Но была справка. Была на ней печать. Была, наконец, особа, в провинной способности которой сомневаться не приходилось ни на секунду.

— Насколько нам известно, — робко возразил ей, — Степан Александрович был одинок.

— Да, мы с ним разошлись, — невозмутимо ответила особа.

— А разве он был жемат когда-нибудь?

— Фор-маль-но брак зарегистрирован, — изрекла особа.

— И Геня его сын? — Вот справка! Можете еще раз прочитать.

Ей объяснили, что согласно воле покойного этот дом и эти картины... Особа тотчас же прервала:

— Все это эмиция! Мой Геня должен получить свою долю. Он уже не мальчик. Ему нужны деньги. И он не может разбрасываться своим имуществом.

Ей величье замечать, что нельзя, дескать, Гене свой жизненный путь начинать с даровых заработков, что Гене надо прививать уважение к собственному труду, а не к плодам чужого.

— Это эмиция, — твердила особа.

Все это казалось очень и очень странным. Непонятным. Чтобы в наше время?.. В дело снова вмешались юристы. И все стало на свое место. Они назвали законы, по которым расширен круг наследников и по которым Геня подпадает под понятие «законный наследник» со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Короче говоря, этот Геня, в глаза не выданный дедушке, не провинившийся ни малейшим вниманием к нему и тем более заботы о нем, не являющийся, по-чем фунт лиха, не имеющий никакого представления о дедушкиных трудах, — вдруг должен получить кучу денег.

За что? За какие заслуги? Как он будет жить в дальнейшем? Какой взгляд разовьется у него на жизнь? Всем этим закон, к сожалению, не интересовался.

— Но кто такой Геня? — спрашивали юристы друзья покойного.

— Согласно справке — внук.

— Внук, которого никто не знает? — Да.

— Внук, родители которого позабыли о стариках? — Верно.

— Наследник, который заботится только о своих правах, не чувствуя никаких обязанностей? — Да, к сожалению, так.

— Это же противно нашей логике, логике советских людей, привыкших жить своим трудом! — Но таков закон.

Геня не удостоился даже на дедушкиной и бабушкиной могиле побывать. Он и слезы не пролил по ним. Да и

не мог он пролить, ибо в глаза не видел их. Он с матерью приехал из Ленинграда в этот приволжский город только и только с одной целью: получить наследство и — убраться всовосия.

— Никаких музеев! — решительно заявила его мать. — Мы свою долю продадим.

В особняк художника стали навеваться какие-то люди. Они осматривали каждую вещь, шупали ее, оценивали. С равнодушным видом ходили вокруг картин дедушки из комиссионных магазинов.

Родных художника юристы предупредили, что «судиться с Геней можно, но вряд ли что-нибудь выйдет». Да и сама мысль о суде казалась кощунственной. Отделение Союза художников тоже было бесцельно. Закон был явно на стороне Гени и его настырной мамани. У них на руках была справка. С печатью. Поэтому никто уже не интересовался, откуда бумага, как складывались взаимоотношения между Степаном Александровичем и этой особой, матерью Гени, и были ли вообще какие-нибудь отношения.

Все больше человеческие чувства отнеслись на задний план крохотной справочки.

Юристы соглашались с мнением, что закон о наследстве кое в чем явно устарел, что следовало бы внимательно пересмотреть его. Что же еще могли они сказать?..

Геня быстро освоился со своей ролью наследника. Он бегал по городу, шептался о ценах на картины, на часть дома, на часть сада, на часть мебели, принадлежавшие ему по закону. Дом и весь инвентарь словно невидимым ножом разрезался на части. Геня с матушкой своей откупались без всякой оглядки на совесть...

Эта история глубоко взволновала меня. Я смотрел на Волгу, на дымящиеся трубы, а думал о мудром Бальзаке. Геня с матушкой вызвали неожиданные ассоциации, и отделился от них было невозможное.

«Кузен Понс... Кузен Понс...» Я понимал ужасный анахронизм. Мне было бы трудно представить «наследников» Понса, если бы не Геня и его мать, которых я видел сам и с которыми разговаривал.

Я уезжал из этого чудесного города с тяжелым чувством, однако, совершенно убежденный в одном: закон — пусть он трижды будет законом! — ни в коем случае не должен служить людям без совести и без чести.

МОЛОДОСТЬ — ПОРА ПОЭЗИИ

Заметки о журналах

ДАЖЕ беголо про- сматривая последние странички номеров «Молодой гвардии» со скудными сведениями о молодых авторах журнала, видишь, что нет среди них «литературных белорусок». Каждый имеет за плечами не только полные или неполные тридцать лет и диплом гуманитарного вуза. Это в основном люди, уже прошедшие несколько классов средней и трудовой школы. Вероятно, именно поэтому журнал в текущем году привлек читательское внимание интересной прозой, оперативными очерками — донесениями с переднего края жизни. И, начиная знакомиться с его поэтическим отделом, ожидаешь встретить здесь стихи по-хорошему злободневные и по-настоящему талантливые.

Вот маленькое стихотворение «Стрельба», чрезвычайно типичное для всего цикла:

Рыбу стрельму я видел в пригорка. Она в полуденный зной, нос задрал, глядя в небо моторка, словно за стрекозой.

Такие «моментальные» зарисовки были бы более или менее уместны в авторском сборнике, в соседстве с настоящими «трудовыми» стихами. Но вряд ли прав журнал, представляя поэта целой подборкой созерцательных стихотворений.

В апрельской книжке опубликован отрывок из поэмы А. Филатова о Ленине. Ильич изображен в ней выступающим перед рабочими:

А он в ответ: «Всему спасенье — труд!.. Враг прятет хлеб, Москва не обогрета. Товарищи, Поля посева жаут, Цека и штольни Ждут тепла и света.

Как эти лозунги непохожи на живую речь Ильича! Никакие «юбилейные» изображения не могут оправдать такое легкомысленное решение ответственной темой.

Листаем другие номера «Молодой гвардии». Сталкиваемся со стихами Ю. Сбитнева, где о семилетнем плече говорится в таких словах:

В плече нашем увидят народы Новых фактов больше дела.

...Вот поэма Артура Корнеева «Рабочий», опубликованная в третьем номере. Автор ее совсем молод, но уже успел поработать на заводе, пожить в рабочей среде. В поэме о юном «слесаренке» — вероятно, много автобиографического. Однако с самого начала мы сталкиваемся в ней с примелькавшимися персонажами. Героя ее — Сергея провозит в первый раз на завод добрая «бабуля», трогательно плачущая на пороге. На заводе его встречает мастер дядя Петро с «колоритными» словечками «кажись», «шабаш», «братва». Упоминается в поэме и антипод героя — Володька в узеньких бочках. Впрочем, слышком традиционные эпизодические фигуры — все же не главное. Может быть, это искупается образом героя? Нет. Корнеев, окружая каждый поступок Сергея особой многозначительностью, очень нерасчетливо, нетлгоубо изображает его в ответственные моменты. Вот герой с молотком в руках учится слесарному делу. Первый удар — пальчик! И эта «неудача» повергает Сергея в такое смутнение, что для выражения его понадобилось более полутора строк. Зато второй, удачный удар — и

Переглянулись не зря, улыбки нехитро прятая, суровые слезаря.

Первое испытание «слесаренка» изображается такими стихами:

Быстрее! Зрение зорко! В руках пробегает ток! Быстрее, моя отвертка! Смелей, мой молоток!

Поэма не удалась молодому поэту. И обиднее всего то, что его неудача — не та, вполне понятная запинка на неразведанном пути, которая ожидает каждого юного искателя. Артур Корнеев пошел слишком проторенной дорогой.

В шестом номере журнала помещен большой цикл стихов «Тажное белорусье» куда более опытного поэта Василия Журавлева. Стихи эти — о крупной стройке, но ни в одном из них, к сожалению, нет ни картины работы, ни портрета строителя — эскизуются лишь «силуэты для пейзажа». То попрыгивают, как «вскрикнул сурок на крепях, скрипял далекий скрепер»... То он увидел, как косяла пьют на ключах с экзаватором, а кедр обнимает мохнатой лапой железное плечо будки крана. И эти случайные наблюдения стали темами для стихов.

РАЗНООБРАЗИЕ!

ДАЛЕКО не все прочитает в журнале человек, взглянув его в руки. Но одну страничку он прочтет обязательно и прежде всего. Это страничка, где излагается содержание номера, своего рода «путевка в жизнь». Этого хочется от этой странички? Не в последнюю очередь — гарантии многообразия предлагаемых для чтения материалов. Плох номер журнала, состоящий из огромного романа и начисто лишенный интересных «мелочей». Плохо и другое — когда в огромном море стихов тонет одинокий тощий рассказик. Варьянт «плохих случаев» много численны. Но вот перед нами — книжка журнала, составленная разнообразно и интересно. Последний номер «Литературной Грузии» недавно пришел в Москву. Стихи, отрывки из романа, рассказы, очерки, любовные небольшие заметки на исторические темы...

Стихотворение И. Абашидзе выражает признательность поэту мастеру умельцам, создает яркую картину, а за этим конкретным адресом — признательность народу, что и то и общественное деятеля ГДР Г. Каминшера о его пребывании в Грузии. (Кстати, публикация произведений зарубежных авторов — неплохая традиция грузинских литературных журналов.)

Жаль только, что в номере «Литературной Грузии» по существу, нет раздела критики. Он заменен библиографией. Видимо, грузинские критики должны помочь редакции утвердить на страницах журнала необходимый жанр — обзор проблемной литературы — критической статьи.

Не всегда, увы, номера «Литературной Грузии» складываются так разнообразно. Тем больше хочется пожелать, чтобы первая страничка — «Содержание» — давала надежную «путевку в жизнь» каждому новому читателю и современности номеру.

РАЗВЕДКА СПОРОМ

ЭТО НЕ СБОРНИК литературно-критических статей в обычном смысле слова: анализ, воспоминания, тевые зарисовки, и переводы. А и заметки о языке и различных рабах не так, что делает цельной эту книгу. — читаешь ее с интересом. Николай Ушаков — не критик, не литературовед. Но поэзию он знает так блестяще, что может успешно спорить с самыми серьезными исследователями. Не станем перечислять имена поэтов, чье творчество так или иначе привлекает его взор, — это заняло бы слишком много места. Скажем лишь, что в обширном мире поэзии он чувствует себя, как на родной улице, где знаком каждый дом.

Его эрудиция, его начитанность — не щегольство. Он говорит о далеких от нас по времени и национальным особенностям явлениях литературы и не замечает, без причуждения, вводит читателя в прежде неведомую область поэзии. Так рассказывает о том, чье чтение не знает и что, быть может, само никогда бы не привало его внимания, не менее трудно, чем, знаясь с «вечными» проблемами литературы, не повторить общих мест и прописных истин. Кстати, удается Н. Ушакову свежо поговорить и о «вечных» проблемах, главным образом потому, что он отвергает какие-либо поверхностные, упрощенные построения. Характерная деталь: в его статьях трудно найти глаго-

лы, довольно широко используемые в критической литературе и выражающие критическое поведение — «обязан», «должен», «требует», «не может» и т. д. Он судит об объектах литературы и писателя с полным пониманием сложности творческого труда и одновременно по-своему. И это «по-своему» делает незадырятые до тону статьи по-настоящему полемициными. Эту особенность сам автор назвал довольно точно — «разведка спором».

Заметим, что Н. Ушаков — блестящий знаток поэзии, мы выразились не совсем точно, вернее, сказали не все. Словом бы сказать, что он самозабвенно влюблен в поэзию, в слово. Эта страсть сделала из Н. Ушакова отличного переводчика.

Но как бы ни восхищались он совершенством поэтической строки или образ, красотой и мелодичностью слов, это восторг и благоговение перед шедевром языка, переплетением и изощрением звуков, не заслоняют Н. Ушакову самое прекрасное — жизнь. Не случайно работе открывающей сборник он предпослал в качестве эпиграфа известные блокнотные слова:

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!

ресных имен и среди самых молодых. Это поэты разные — и по почерку, и по тематике, и почас по жизненной позиции. Владимир Чибин и Евгений Егущенко, Римма Назарова и Дмитрий Блинский, Андрей Вознесенский и Павел Халов, Наталья Астафьева и Владимир Савельев — этот краткий и почти случайный перечень имен уже что-то говорит о поэзии. А ведь не один они ташат на плечах молодую поэзию. Можно назвать еще несколько по меньшей мере равноценных имен. Молодая поэзия существует. Она живет яркой жизнью, ей есть в чем отчитываться перед читателем. И совершенно естественно, что читатель ищет в журналах «Юности» и «Молодой гвардии» отражение успехов всей молодой (и не только молодой) советской поэзии.

Поэтический отдел «Молодой гвардии» пока не оправдывает этих, думаешь, вполне справедливых ожиданий. Мы имеем полное читательски выработанное право упрекать его в поверхностном, бесстрастном отношении к нашей героической действительности. Это не вытекает с нашим пониманием молодости.

Часто к молодым поэтам критик относится с оскорбительной снисходительностью, прикрываемой дружелюбием. Даже когда он становится в позу требовательного судьи, и тут появляются штампы сомнительной справедливости: «без скандина в молодости». Если внимательно прислушаться, как это незлопозвучит! Как будто молодость — неизбежная неприятность, синоним неполноценности!

Вспомним молодые годы наших современников Твардовского, Тихонова, Светлова. Смотрят ли они сейчас со снисхождением на свои «ранние» стихи — «Страну Муравин», «Балладу о гвоздях», «Гренаду»?

Молодость — пора поэзии. Пусть филигранное мастерство накапливается с годами. У молодости по самой ее природе множество преимуществ — молодая страсть, свежее восприятие мира, боевое вторжение в жизнь. И мы хотим, чтобы журнал «Молодая гвардия» печатал именно такие стихи.

Ст. РАССАДИН

КОВЫЛЕ СТАЖИ

Николай ПАНЧЕНКО

У ИСТОКА

Как реки, мы в истоке не во льды, Исток — о нем всегда припомню грустно. Но ты тешешь под крыльями волды, и сам свое вычерчиваешь русло. И пусть исчезнут запахи пруда, где вял исток, — пусть критики грядутся.

Пусть села, страны, лица, города в твоей реке просторной отразятся. Ты не из тех, кто в старце зачех, не в силах взбунтовать песночки, тебе, как Волге, надо на плечах катить, урча, тяжелый груз эпохи. И пусть самую смертью будет труд: сверни к полям под глухих чаек крики — пусть где-нибудь в безводье разберут твою любовь и свежесть на рыбки.

Не гадал я, родимая, сколько весен в руках. Только ты не пади меня — не держи за рукав. Жизнью той, что дала ты, рисковал я не раз, но рожденный солдатом не уходит в запас. Наш уход из вселенной, от боев и простуд, назовут только сменой часовых на посту.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь то солнцем просияет, то сонным громом разорвется, то звоной пражей провода опустит с туч на города, сады разденет, желтой кистью мажет по росам и дугам, и тняет пощам и невуд листьев к ноябрьским белым берегам.

ТВОРЧЕСКАЯ

Мысли о современном романе

Мехти ГУСЕИН

ПОЖАЛУЙ, романисты позапрошлого столетия, отправляя своих героев в луговские похождения или сентиментальные путешествия, и не подозревали о том, какое будущее уготовано этому жанру. Роман сегодня — и это в полной мере относится к советской литературе — основной, «главный» жанр.

Роман — я рискну задесть и другую сторону вопроса — «ходовой товар», жанр модный, самый большой соблазн для литератора, особенно молодого. Молодой автор считает, что никто не будет смотреть на него всерьез, если он не напишет хотя бы одного романа. Роман у нас выходит много, проблема этого жанра всегда актуальна и... всегда включает в себя вопрос о недостатках современного романа.

НАЧНУ с недостатка, который является, на мой взгляд, характерным. Происходит этот недостаток от похвального в основе своей желания открыть роман «всем» ветрам эпохи.

Возьмите «Шамо» С. Рагимова, один из наиболее значительных романов в азербайджанской литературе. Роман открывается картинами жизни в горном селении Шехли в годы, предшествующие свержению самодержавия. С. Рагимов убедительно рисует крестьян, и среди них — главный герой молодого Шамо. Действие разворачивается вокруг одного сюжетного узла — события вытекает одно из другого, эволюция Шамо происходит, что называется, на глазах читателя и потому убеждает. Но вот арена действия усложняется. Баку... подполыиник... исторические лица. Рамки романа расширяются и — словом, Ибо Шамо не поспевает за автором, события не проходят через героя. «Все» ветры эпохи дуют в романе, зато пропала иллюзия романтического действия, пропала «романтичность».

Известный грузинский прозаик К. Гамсахурдия (я держу перед глазами его статью в июльском номере «Дружбы народов», потому что это одно из самых последних выступлений наших мастеров романа о сплотившемся жанре) верно ставит вопрос о «романтичности» и правомерно сопоставляет «романтизм» с «журнализмом».

«Журнализм» не менее почетное дело, но в романе ему нечего делать... Что же такое романтичность, если журнализм, непосредственное отражение хода исторических и иных событий, является для романа неким посторонним включением? Что такое романтический сюжет? Это, по моему, развитие характера главного героя или группы героев, связанных между собой. Все

через героя! — вот, на мой взгляд, лозунг романиста. При всем богатстве материала, весьма трудного для художественного освоения, «Жизнь Клима Самгина» является, на мой взгляд, замечательным примером именно романа. Или вспомните «Тихий Дон». Из четырех томов этого бессмертного романа наименее сильным представляется мне все же второй том, кстати, с него молодой тогда автор начал писать книгу. В нем М. Шолохов непосредственно занялся изображением истории. Он сделал это как большой художник, а всегда ступка «журнализму» не прошла даром. Рисунку сказал, что сильнее всего историю впечатляет у Шолохова там, где она говорит характерами основных героев. М. Горький, А. Толстой, М. Шолохов — авторы классических советских романов-эпопей. Вместе эпическое содержание, эти классические произведения остались верными законам романа, что и сообщило им, на мой взгляд, большую долю убедительности.

Сейчас принято хвалить романы за многоплановость. «Многоплановость» — это почти заклинание: «...современный роман», — пишет С. К. Мурашин в своей «Поэтике» с Г. Гулина, — мне кажется, только и может быть многоплановым, если автор поставил перед собой цель — показать наше время. Каким бы значительным и прекрасным ни был отдельно взятый герой, он не способен один с достаточной полнотой выразить время. Он живет и работает в коллективе. Без его связей с этим коллективом, без его отношения к окружающему невозможно выразить его самого.

Все это так. Непонятно только, почему многоплановость предполагает недоверие к «отдельно взятому герою», даже «значительному и прекрасному». Да и разве только герой нашего времени связан с коллективом, а скажем, Жюльен Сорель — выразитель своего времени — дан вне связей со средой, в которой он живет? Реалистический роман вообще не знает героя вне общества, это же азбука реализма!

Тем не менее — повторю свою точку зрения — в романе все через героя, герой — в центре. Книга одного из самых интересных азербайджанских прозаиков Мир Джалаля «Манифест молодого человека» полностью удовлетворяет этим требованиям жанра. Этому при всей многоплановости произведения не потеряло цельности, компактности, собранности.

В последние годы Мир Джалаля выступил с романом «Куда ведут дороги». Самое большое достоинство этого произведения — образ нашего любимого народного поэта Сабира образ, данный в той среде, которая его окружала, в сложных условиях периода народной революции и последующих лет, в связи с происходившей тогда идейно-литературной борьбой. Автор убедительно показал социальные условия, которые сформировали личность и определили духовный рост Сабира. Но основной недостаток, нарушающий цельность впечатления и мешающий художественной завершенности романа, состоит в том, что отдельные образы в нем иногда на долгое время выпадают из сюжетного развития. Создается впечатление, что автор забывает о своих героях. Некоторые эпизоды в романе не вяжутся органически с жизнью и борьбой Сабира. Не всегда связываются с другим естественным образом и параллельно идущие сюжетные линии. Отсюда — фрагментарность (при работе над русским переводом автор в ряде случаев сумел от нее избавиться), которая противоречит романтической основе произведения Мир Джалаля.

Лег двадцать пять назад А. Довженко предд гласности свой разговор с В. Шкловским о кинофильме «Чапаев». Тогда это шедевр братьев Васильевых только вышел на экраны. «Васильевы — хитрые люди», — сказал В. Шкловский. — Они правильно решили режиссу, где находится командир. Командир... находится посредине».

Если расшифровать эту фразу, тоже похоже на режиссу, то получится верное наблюдение. Герой стоит в центре. Жизненный материал — или через психологию героя, или вокруг героя, или отталкиваясь от героя, но не сам по себе! В этой компактности я вижу, меж-

ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПЛИКИ

ПАМЯТНИКА

Все та, кто имел счастье встречаться с замечательным уральским сказителем, сразу узнают его.

Де, это он, Павел Петрович Бажов, писатель-патриот, человек много чего самобытного таланта, большой душевной красоты. И свободная, непринужденная поза, и слегка лукавое выражение умных, много видевших на своем веку глаз — все это делает скульптуру А. Ф. Степанова по-настоящему «живой», без ложной монументальности и торжественности.

Где установлен этот памятник? В том-то и дело, что памятник этот не установлен. Он должен был стоять на могиле писателя в Свердловске, на самом высоком месте Ивановского кладбища, откуда виден весь город.

Прошло уже 9 лет, как умер П. П. Бажов, а памятник на его могиле до сих пор нет. Есть готовая модель памятника, которую вы видите на фотографии. Около года она находится на складах Мытищинского завода художественного литья.

И есть возмутительная волокита, которая длится уже несколько лет. Есть бумаги, резолюции, решения, обещания, новые обещания и т. п. Когда умер П. П. Бажов, на могиле его был установлен временный памятник. Шли годы. Временное надгробие постепенно разрушалось и, наконец, совсем развалилось.

Вот тогда-то и стали поступать в редакцию

тревожные сигналы читателей, обеспокоенных состоянием могилы писателя. И действительно, мы, стыдно смотреть на запущенную могилу П. П. Бажова в городе, который он страстно любил, для которого так много сделал как писатель-общественник, писатель-депутат, писатель-коммунист.

Не беспокоились только те, от кого зависела судьба памятника. В Министерстве культуры СССР заседали художественные советы, вносили поправки и изменения в проект памятника, несколько месяцев искали для скульптора мастерскую. Союз писателей СССР выделял средства, это средства оставались неиспользованными, списывались, и этим дело ограничилось. Св в р д л о в ский горисполком давал обещания: «Принимаются меры к тому, чтобы сооружение надгробия было закончено в текущем году». Эти заверения отослались еще к маю 1957 года. Прошел 1957 год, 1958-й, больше половины 1959 года, а памятник все нет: «На Урале в январе 1959 года отметили 80-летие со дня рождения автора «Малахитовой шкатулки», — писал в редакцию читатель Н. Попов. — К этой дате мы, свердловчане, и в особенности люди, знавшие П. П. Бажова как коммуниста-общественника, ожидали завершения строительства памятника на его могиле. Но наши надежды не оправдались...»

Когда же будет установлен памятник Павлу Петровичу Бажову? Этот вопрос хочется задать не только Свердловскому горисполкому, но и правлению Союза писателей РСФСР.

Модель памятника писателю П. П. Бажову.

ду прочим, качество, выгодно отличающее фильм Васильевых от романа, легшего в его основу. Может быть, является обязательным. Обязательным он оказывается для романа (ведь роман-то и зародился как история героя на фоне среды!).

ЧТО же происходит во многих наших романах? Главный герой, поставленный автором в центре, явно не «вытесняет» своей нагрудки. Автор же всеми силами стремится вложить в свой роман как можно больше. Он оставляет своего героя, чтобы захватить в роман новые сюжетные линии. Он подсаживает в главного героя второстепенных, третьестепенных, четвертых-пятнадцатых партнеров. Романская интрига тонет в обилии материала, роман рассыпается, не выдерживая собственной тяжести. Отсюда — наши флипанты, «кирипичи», здания, панорамы и «циркорома» в беллетристике, — книги с внушительным объемом и очень малой объективностью содержания. Ибо если объем достигается количеством страниц, то объективность — смысловыми конфликтами и сцен, глубиной авторского взгляда на действие и широтой кругозора.

Писатель, который хочет в романе полнее отразить нашу жизнь, должен избежать хаотического, разбросанного ее отражения (в основе такой «маштабности» и лежит знакомый нам «журнализм»), он должен писать по законам романтического действия, то есть найти такой романтический сюжет, который раскроет смысл событий и характеров. Горький создал «движущуюся панораму десятилетий», не выйдя за пределы истории главного героя. Я возмущаюсь, когда автор не против панорам, не против романов эпических, масштабных, а против романов, неумело построенных.

Другой распространенный недостаток в наших романах, тоже, как мне кажется, идущий от «журнализма», — неумение подчинить законам романа «производственную» сторону темы. Возвращаясь к «Непронзенному слову» Константино Гамсахурдия. «Долго говорили и писали обо мне, что я, мол, убегаю от современности, увлекаясь за собой чуть ли не всю грузинскую литературу», — вспоминает К. Гамсахурдия. Я временно прервал работу над моей тетралогией («Давид Строитель», — М. Г.) и проштудировал многие вопросы агротехники. После ликвидации упорной работы я опубликовал новый роман... где воспел строительство наших колхозов, секретаря райкома, агронома, бригадиры, звеневые, трактористы, люди, которые двигают вперед жизнь наших народов».

На этот раз мне хочется поспорить с К. Гамсахурдия. Во-первых, вряд ли верно, что кто-то запрещал уважаемому Константино Семеновичу Гамсахурдия писать исторические романы. А во-вторых, в новом романе «Цветение лозы» кое-где агротехника заслонила людей. Это, конечно, мое личное мнение, но я убежден, что в таком недостатке никакая история неповинна.

А разве не грешат этим и многие романы у нас, в Азербайджане? Разве иной раз не заслоняется техникой люди в романе М. Сулейманова «Буря»? Разве не бывает часто и в других литературных произведениях с героем романом, становится производством? К. Гамсахурдия вспоминает о герое лишь в самом конце своей статьи: «Мне хотелось бы сказать несколько слов о положительном герое». И чуть раньше: «Не надо на одну доску ставить Александра Невского, Давида Строителя, Вардана Мамиконяна с Чингизханом, Джелал Эддином или Надира-Шахом». Маленькое уточнение. Мы отделим в истории создателей от разрушителей. Но в принципе героем романа может быть и Давид Строитель, и Надира-Шах, и Иван Телетин, и Клим Самгин, и Семён Давыдов, и Григорий Мелетов. При всем том, что первое место и предпочтение мы всегда отдадим положительному герою, и из положительных далеко не каждый, мне кажется, годится в герои современного романа.

КАКИМ же должен быть герой, если ветры эпохи будут, как мы выяснили, дуть в романе только через его душу? Не обернется ли это искусственным сужением горизонтов

современного романа, сведением их до круга жизни главного героя? И не сделают ли это многие наши романы сугубо местными и личными?

Я написал «сделает» и сразу почувствовал необходимость перевести глагол в прошедшее время. Ибо узость фронта, локальность, местная или тематическая замкнутость — это другой (или уже третий!) недостаток многих наших романов. Происходит он от плохого знания жизни нашими писателями. Свою узкую тему автор изучил и знает хорошо, а за ее пределами чувствует себя неуверенно. Отсюда два возможных результата: или книга оказывается немасштабной, лишней большого дыхания, или... Или в книге рациональное уплотнение книги дополняется героями и сценами в хаотическом беспорядке. В Кочетов в романе «Братья Ершовы» старался избежать обеих крайностей. И все же в романе его ощущаются две сферы. Одна — это рабочедоменки, осязаемые характеры, интересные люди с интересными судьбами. Другая — это мир литературных и прочих гуманитарных конфликтов, мир «вестников», рассказывающих героям о том, что происходит в литературных журналах, карикатурных «салонах» и т. д. Эта вторая сфера — условия, неестественная, нарочита. Потому что это — не мир героев романа, это, так сказать, необходимый для автора арсенал...

Вспомним еще раз время, когда родился современный роман. Жанр этот возник в эпоху, когда буржуазия еще не оторвалась от народа, она еще шла по восходящей линии, борясь против старшей аристократии, она еще была перемешана с трудовыми классами в рядах третьего общества. Однако буржуазия еще стояла в центре общества, на пересечении всех его связей. И роман возник как жанр, охватывающий, по возможности, общество в целом. — Недаром так много путешествовали и так много разных людей встречали первые романтические герои! А что в это время было с литературой аристократической? Она медленно вырождалась, запутывалась в формалистических лабиринтах. Потому что старая аристократия уходила с исторической арены, все больше изолировалась. Но эта же судьба ожидала и буржуазию! Истинный роман, по моему убеждению, может существовать сегодня лишь постольку, поскольку он перестает выражать интересы искусственно изолирующейся личности, поскольку он антибуржуазен.

Что же определяет судьбу романа в нашей советской литературе? Почему именно роман стал ведущим жанром социалистического реализма? Ответ надо искать в особенностях нашего общества. Ни одно общество в мире еще не было столь монолитно. Ни в одном обществе в мире жизнь личности не была пронизана столь многочисленными и крепкими связями, никогда еще человек не чувствовал себя настолько гражданским, ответственным за все общество и связанным с ним, как в обществе социалистическом. Понятие «жить на миру», «жить среди людей» стало в наши дни отражать не символические и не теоретические, а, как никогда, реальные связи людей.

Все это прямо проектируется на наш роман семейно-бытовой. Но и все другие виды романа — роман «производственный», роман-путешествие, не говоря уже о романе политическом или об эпопее, — являются социальными и охватывают общество в целом. Не обилием героев, повторов, и не обилием разговор на высокие темы, а смыслом и глубиной характеров и ситуаций.

Но для этого героя современного романа должен и в самом деле быть амальгамой всех ветров эпохи! Каждый автор по-своему решает эту задачу: один вводит с героем будет ездить, другой — вспомнить третью — мечтает... И лишь в одном должны быть похожи их произведения: оставаясь романами, то есть не становясь ни длинными рассказами, ни хрониками, они будут книгами широкого охвата и широкого видения жизни. Именно так хочется видеть наш роман — современную эпическую форму народного искусства.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗДУХА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ПОРА ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ДОКТРИНЫ «ОСВОБОЖДЕНИЯ»

ИТАК, речь идет о прасловутной американской доктрине «освобождения». Относится ли она к проблеме, волнующей человечество? Здесь сразу нужно внести необходимую ясность. Она не принадлежит к их числу. И никак не волнует человечество.

Человечество освобождено другим. Тем, что скрывается за «освободительской» дилематикой. Вот в чем проблема. Г-н Никсон в своей речи по московскому телевидению сказал, что США не требовали и не получили в двух мировых войнах ни акра земли.

Это похвально. Но ведь смысл доктрины «освобождения» заключается как раз в том, чтобы приобрести — прямо или косвенно — эти акры земли.

Маленькая девочка Алиса из сказки английского писателя Карола Штайн-Болтай. «Когда я употребляю какое-нибудь слово, — довольно пренебрежительным тоном сказала Штайн-Болтай, — оно обозначает то, что я хочу, чтобы оно обозначало, — ни больше, ни меньше».

«Вопрос в том, — мудро ответила Алиса, — можете ли вы заставить слово обозначать такое количество различных вещей?»

«Вопрос в том, — сказал Штайн-Болтай, — кто хозяин. Американские политики — хозяева своей пропаганды и своей дипломатии. И они заставляют слово «освобождение» обозначать понятия «территориальные притязания».

Итак, доктрина «освобождения»... Кто и от чего? Народов от социализма. Но только ли в социализме дело? В Гватемале, например, не было никакого социализма. А Соединенные Штаты ее тем не менее «освободили». На Кубе тоже пока еще социализма не видно. Однако наиболее воинственные американские деятели мечтают ее «освободить». В данном случае это называется борьбой против угрозы коммунизма. Понятие, слово «обозначает» то, что я хочу, чтобы оно обозначало! Все это — примеры заботы об акрах.

Однако то, что иногда удается в Латинской Америке, обречено на провал в Восточной Европе. В самом деле, существуют социалистические страны. Соединенным Штатам не нравится их строй. Они хотят его изменить по своему желанию. Но народы этих стран не собираются ничего менять. Что же делать? В Гватемале были посланы войска. Но в Восточной Европе этот метод не годится. Для полководцев доктрины «освобождения» должно быть совершенно ясно, что попытка силой добиться акров встретит сокрушительный отпор.

Что же тогда остается от доктрины «освобождения»? Она выглядит как блеф, как призрак.

Аргументация сторонников доктрины «освобождения» по-кажется смехотворной даже младенцу. Представьте себе: тайваньская марионетка Чан Кай-ши во главе шестистоттысячной армии, добрая половина которой ненавидит его, должен «освободить» шестистоттысячный Китай... Смешной! А бывший румынский король бросит свои сомнительные торговые аферы и принесет «освобождение» народу Румынии. Там его только и ждут... Равно чешские, болгарские и иные отщепенцы, топившиеся сейчас в атлантических водах, должны научить ум-разуму миллионы людей, показать народам, как надо жить...

Серьезным политическим деятелем давно следовало бы отбросить в сторону эту так называемую «доктрину», а не рекламировать совершенно нереальный блеф.

Во время пребывания в Польше г-н Никсон назвал товарища Гомулку «Польшкой приоткрытой занавески». Но ведь патриот Гомулка, как известно, ведет страну по социалистическому пути. Это и есть настоящий патриотизм — делать то, что необходимо и полезно родине. Отнюдь не плохо, что ответственные американские руководители все же признают в конце концов беспочвенность собственной политики.

В социалистической Венгрии — другом объекте доктрины «освобождения» — есть деревня Мизан. В ней существует кооператив имени Тачина. Деревня широко известна. Это о ней написал роман «Трудное положение» венгерский писатель Эрнэ Урбан.

Лейош Фодорко, председатель кооператива, сказал по поводу «освобождения» автору этих строк:

«Кто в октябре 1956 года выдал лозунг освобождения? Были хористы и танцовщицы. А мы в деревне из слишком хорошо знали. Чего они хотели в действительности, нам было понятно. Им по душе старые порядки... Патриоты из деревни Мизан не допустили реставрации старых порядков. А ведь поляки, румыны, болгары, чехи любят свою родину не меньше, чем венгры. Но кто-то в Вашингтоне полагает, что самые большие патриоты этих стран — американцы... Мистика!»

Доктрина лишена главного: «освобождать» — это ведь некого. Она исчезнет после первого серьезного поражения «колониальных войн». Исчезнет за ненадобностью. Крайне нецелесообразно боюшимся стран лишиться раз показавшей никчемность этой «доктрины». Международная политика — это не дом, где развешены призраки. Это реальность. Акры получить у социалистических стран невозможно. Поэтому, господа американские дипломаты, освободитесь от доктрины «освобождения» или, вернее, от расчетов, которые за ней скрываются. Воздух станет чище.

О. ПРУДКОВ

ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ

ТРУДНО поверить, что еще три года назад здесь было так пустынно, как и вон там, за рестораном «Золотая рыбка», где нет еще ни зеленых аллей, ни фонтанов, ни белоснежных, вытнутых вдоль берега отелей.

Семь дней жили мы на болгарском курорте Золотые Пески по гостеприимному крову «Морской звезды». Рядом с нами, в таком же невысоком, трехэтажном отеле, в таких же уютных комнатах, обращенных к морю, насквозь пронизанных солнцем и запахом отцветающей липы, жили чехи. Чуть поодаль, в отеле «Изгрев», — немцы. По соседству обособились поляки. В саду, на салоне холма, в крохотных деревянных домиках (две постели, шкаф, столик, полотняные стулья) превосходно устроились вперемежку туристы из Софии, Будапешта, Варшавы, Познани, Плоещи, Дрездена. Более пятисот простых, изящных домиков, выкрашенных в приятливые цвета, кажутся издали какими-то чудесными плодами, упавшими на землю.

Директор курорта Илия Боев показал мне галерею проектов Золотых Песков. Здесь, в восемнадцати километрах от Варны, решено было недавно создать международный курорт. В декабре 1955 года группа архитекторов во главе с Георгием Ганевым представила проект. Строительство развернулось по-настоящему только в августе 1956, а в июне следующего года Золотые Пески уже приняли первых курортников. Восемь больших отелей, четыре ресторана и полтысячи домиков, о которых шла речь выше, были полностью оборудованы всем, что необходимо для отдыха.

В тот сезон на курорте побывало уже около тринадцати тысяч отдыхающих из стран народной демократии, а также из Франции, США, Англии.

— Это была первая очередь нашего строительства, — говорит товарищ Боев. — А вторую мы вели без перерыва, не мешая отдыхать гостям...

Когда началась вторая очередь строительства, «Морская звезда» уже предоставила свой кров туристам из СССР, и в книге отзывов появились первые похвальные строки, оставленные на прощание гостями из Ленинграда и Новгорода. Почти четыре тысячи отдыхающих принимают сейчас курорт, созданный на «диком», недавно пустынным морском побережье.

— Французская Ривьера, — говорит Илия Боев, — имеет шесть тысяч мест в своих отелях и санаториях. Мы в будущем году сможем принять восемь тысяч шестьсот курортников из всех стран...

Нет никаких оснований сомневаться в том, что болгарские строители «догонали» французскую Ривьеру. И не только по количеству курортников, но и по качеству обслуживания. Собственно говоря, уже с первого сезона все могли убедиться — здесь до мельчайших деталей продумано все для того, чтобы гости болгарской Ривьеры отдохнули «по первому классу». И при этом — независимо от того, пожаловали ли они сюда из-за рубежа в качестве обладателя роскошного лимузина выпуска 1959 года или вышел из запыленного автобуса «Балкан-туриста» вместе со своими соотечественниками, совершив поездку по путевке профсоюза...

Курорт будет работать круглый год. Строители сейчас приступают к «утеплению» Золотых Песков. Два отеля уже оборудованы центральным отоплением, еще несколько отелей и ресторанов в будущем году не закроют свои двери после летнего сезона. В огромном морском бассейне, в этом подгородном «зимнем море», за прозрачными стенами, под куполом из плексигласа смогут одновременно купаться и загорать восемьсот курортников.

За недолгий срок своего существования курорт принес народной Болгарии десятки миллионов в иностранной валюте и с каждым годом будет давать все больше дохода. А тот, кто побывает в селах и городах Болгарии, кто

Золотые Пески. Рисунки для «Литературной газеты» болгарского художника Христо Вилчева ВЕКОВА

увидит ее социалистические стройки, ее новые дома и дороги, новые фермы трудовых кооперативных хозяйств, тот поймет, что каждый Лев, полученный на Золотых Песках, может быстрее повысить благосостояние народа этой страны.

Не знаю, думает ли об этом заокеанский турист, далеко за полночь вышедший из бара «Домини» и не очень уверенно шагающий к своему отелю... Но обитатели «Морской звезды» и «Обзора», «Сирени» и «Луны», улетавшие за отдых на Золотых Песках, свои отпускные деньги, с удовольствием размышляют над тем, что каждый рубль, каждая крона, каждый золотой, каждая марка, потраченные ими здесь, будут содействовать процветанию народной Болгарии.

И еще одна мысль неотступно владеет вами в те дни, когда слышишь

И. ОСИПОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

Марк Твен

на прокрустовом ложе

НЕЗАДОЛГО до открытия американской выставки в Москве корреспонденты «Литературной газеты», ознакомившись с ее предположительной экспозицией, с недоумением отметили, что среди книг, отобранных для показа на выставке, нет ни свежих изданий произведений Марка Твена, ни каких-либо новых интересных публикаций о его творчестве. Очевидно, устроители выставки вовремя спохватились, и ныне на одном из книжных стендов в Сокольниках стоит недавно изданная в Нью-Йорке «Автобиография» Марка Твена.

Однако эта первоначальная забывчивость довольно точно отражает отношение официальной Америки к своему величайшему писателю. Его стараются забыть. И если все же приходится иногда вспомнить о нем, то в этом случае делается все возможное, чтобы подстричь великого писателя под нужную гребенку, обесцветить яростные и яркие краски его сатиры, вытравить социально-обличительное звучание творческого творчества и в конце концов загнать его под благодатное и недалекое зубоскала. Новое издание «Автобиографии» — плод этих литературоведско-парикмахерских усилий.

И вот перед нами этот великодушный изданный увесистый том. Суперобложка вновь и вновь приглашает нас обратить внимание на то, что «в данном томе впервые полностью собраны автобиографические записи Марка Твена».

Но когда открываешь «данный том» и начинаешь знакомиться с его содержанием, становится ясно, что и громкая реклама, предшествовавшая его появлению, и завышенные сведения, сообщаемые суперобложкой, — все это не более как красиво замазанная этикетка.

В отличие от двух своих предшественников редактор нового издания Чарльз Найдер сделал попытку «облечь» в расположении материала принцип хронологической последовательности событий. Но беда в том, что собственно автобиографический элемент занимает в заметках Твена довольно скромное место. Уложить все богатство их содержания в прокрустово ложе хронологической последовательности — задача неимоверно трудная.

«The Autobiography of Mark Twain: including chapters now published for the first time». Harp and Brothers, New York, 1959.

Прокруст, как известно, либо вытравил свою жертву до желательной ему длины, либо обрубал показавшиеся ему избыточными части тела. Чарльз Найдер пользуется и тем, и другим способом. С одной стороны, он действительно вводит в редактируемый им том некоторые сведения, не нашедшие места в прежних изданиях. С другой стороны, он исключает из него изрядную долю материала, вошедшего в свое время в издания 1924 и, в особенности, 1940 года, причем принцип, на котором он основывает свой отбор, настолько интересен, что о нем следует рассказать подробнее.

Кому не известны знаменитые высказывания Твена об американской «демократии», его негодование заметки о грабительских войнах, которые вели Соединенные Штаты полвека назад, его хлесткие, как пощечина, сатирические зарисовки нефтяного короля Рокфеллера, сенатора Кларка, генерала Вуда, президента Теодора Рузвельта и других рыцарей и оруженосцев американского экспансионизма? Все эти материалы (за исключением незначительной части, вошедшей в издание 1924 года) вошли в издание 1940 года. Правда, и тогда была сделана попытка смягчить более чем неудачные отзывы Твена о заправках политической жизни современной ему Америки. Редактор издания Бернанд Де Вог вырвал, в частности, наивное удивление по поводу того, что Марк Твен, назвавший себя однажды «чуждым сыном труда», не сумел признать в Рокфеллере и Т. Рузвельте подобных себе «чуждым труженикам». Но обличительный голос Марка Твена прорвался все же сквозь глушители редакторских комментариев. Чарльзу Найдеру в 1959 году предосторожности его предшественника пока, записав недостоверными, и он без излишних церемоний решил попросту «заткнуть Твену глотку», вымарав из своего издания все упомянутые выше записи. Превосходный пример научной небрежности и той самой политической тенденциозности, мнимой отсутствию которой так любят при случае щегольнуть некоторые американские литературоведы.

Что же касается не опубликованных до него материалов, то у Найдера хватило решимости ввести в свое издание шутливые рассуждения Твена об облысении, о пользе мытья головы, о начальной литературе и т. п. Трудно разучиться, почтенных степеней и т. п. Трудно разучиться, что-либо возразить против включенных в «Автобиографию» Твена этих заметок. Но не менее трудно примириться с мыслью, что эти безобидные и немногочисленные безделушки призваны заменить собою во много раз превосходящие их и по объему, и по значимости блестящие, гневные страницы подлинного, непрепарированного Твена. Видно, обывательское порошество, высказанное Твенем в самый разгар работы над «Автобиографией» в письме к Уильяму Хоуэлсу:

«Завтра я намерен продиктовать главу, которая заставит моих наследников и правопреемников гореть живыми, если они осмелятся начекутать ее ранее 2006 года, чего, я полагаю, они не сделают. Если я проживу еще 3 или 4 года, таких глав будет множество. Когда появится издание 2006 года, оно произведет перелом. Я буду реять вокруст с приятелями-мертвецами и наблюдать. Приглашаю и вас».

Не очень веселые строки. И хоть до намеченного Твенем срока остается еще без малого полвека, вряд ли ему доставило бы удовольствие наблюдать, как редактор вытощенного и выщелоченного издания его «Автобиографии» пытался выдать пороки своей работы за добродетель и не горюет при этом заживо от стыда. Именно «добродетель», он так и выражается. «Мое издание», — пишет Найдер в предисловии, — в значительной степени заполнено анекдотами, но я считаю это скорее добродетелью, нежели пороком, так как это верно отображает господствующую тенденцию твеневского творчества».

Анекдот? Пожалуй. И хоть анекдоту этому немало лет, он не становится из этого ни менее грустным, ни менее оскорбительным для памяти величайшего американского писателя.

Р. ЮРЕНЕВ

Я. БЕРЕЗНИЦКИЙ

Уголок Варны.

Дружба и контакты

В НАШЕ ВРЕМЯ движение сторонников мира отметили десятую годовщину своего существования. Во всех странах приветствовали славное десятилетие. Многочисленные друзья мира в Японии также отметили годовщину. За десять лет движение сторонников мира благодаря самоотверженным усилиям народов достигло замечательных успехов. Силы мира начали одерживать верх над силами войны.

Семилетний план развития народного хозяйства СССР открывает замечательные перспективы дальнейшего изменения соотношения сил на мировой арене в пользу борющихся мира.

Враги мира намерены оказывать отчаянное сопротивление такому изменению. В Японии это проявляется в виде злостной антисоветской пропаганды. С ее помощью реакционеры пытаются воспитать в японском народе враждебные чувства к Советскому Союзу, оправдать подготовку к новой войне.

Эта пропаганда не может ввести в заблуждение сознательных, думающих людей в Японии, и она не изменит хо-

да истории. Однако, поскольку эта пропаганда поддерживается влиятельными группами и проводится в весьма широких масштабах, она все же представляет известную опасность. Мы должны это учитывать и быть настороже.

Что мы должны делать, чтобы положить конец опасным козням поджигателей войны? Прежде всего необходимо знакомить народные массы Японии с истинным положением в Советском Союзе. Об этом заботятся организации. Впредь мы будем все шире развешивать эту работу.

Чтобы покончить с антисоветской пропагандой в Японии и углубить дружеские связи между обеими странами, необходимо расширить контакты между нашими народами. Ведущее место здесь принадлежит культурному обмену.

На протяжении последних лет Япония посетила многие представители советской культуры. Назовем, в частности, гастроли Ленинградского симфонического оркестра, а также выступления таких замечательных мастеров советского музыкального искусства, как Гаук, Зандерлинг, Янонс, произведших незабываемое впечатление на японских слушателей. Янонс около двух месяцев дирижировал Токийским симфоническим оркестром. Под его талантливым управлением токийский оркестр короткое время достиг удивительных успехов. Это расширило и укрепило дружеские чувства японского народа к Советскому Союзу.

Еще один волнующий пример — гастроли Московского Художественного театра. Восхитительные постановки МХАТа — «Вишневый сад», «Три сестры» Чехова, «На дне» Горького — были очень высоко оценены японскими зрителями. Несмотря на различные языки, сцена и зрители сблизились воедино. Вот символ того, насколько глубоко народы Советского Союза и Японии могут понимать друг друга.

Такой культурный обмен мы должны все шире развивать и в дальнейшем. От обмена деятелями искусства мы должны перейти к широкому обмену преподавателями и студентами. Когда народы Японии и Советского Союза узнают правду друг о друге, когда они глубоко поймут друг друга, — опасные замыслы поджигателей войны будут сорваны!

ТОКИО

Первый шаг. Рисунком художника Флэнкери из американской газеты «Валтимор Ивнинг Сан».

Свободу Манолису Глезосу!

В РЕДАКЦИЮ только что пришла из-за океана газета «Кристен сафенс монитор». В ней напечатана заметка под заголовком «Красные страны протестуют против суда над героем греческого сопротивления». В заметке говорится, что суд над Манолисом Глезосом и другими греческими демократами вызвал «взрыв протестов со стороны коммунистического мира».

Газета явно стремится навести тень на плетень, доказать, будто протесты против позорного судилища исходят только от «коммунистов». Напрасно она, однако, старается. То, что и в Советском Союзе, и других странах социалистического лагеря развернулось мощное движение за освобождение греческих патриотов, брошенных в тюрьму греческой реакцией, — вполне понятно и оправдано. Люди, живущие в свободном социалистическом обществе, не могут мириться с попранием элементарных гражданских прав, с издевательствами над демократией. Вот почему ежедневно в Грецию идут гневные письма и телеграммы с требованием: «Свободу греческим патриотам!».

Но протестуют не только народы «красных стран», и широкая общественность всех государств мира. Движение за освобождение Глезоса и его товарищей развернулось во многих странах. Из Англии, Франции, Бельгии, Чили, Аргентины — отовсюду в Афины поступают протесты, клеймящие позором преступные действия греческих реакционеров.

Волна протеста ширится и в самой Греции. Показательно выступление греческого буржуазного юриста, бывшего министра юстиции Д. Папаспиру в газете «Элефтерия». Он прямо указывает: «Правые, представители центра, те, кто не ослеплен соображениями личной выгоды, духом непримиримости, верят, что дело Глезоса было выдвинутой и страшной внешней властью».

Все честные люди мира добиваются торжества справедливости и правды в деле Манолиса Глезоса. Они не могут молчать, ибо это люди с чистыми сердцами и совестью. И напрасно иные заокеанские газеты пытаются очернить их. От этого голоса протеста не станут менее искренними и менее громкими...

Молодо и страстно

С ОВСЕМ молодой монгольской кинематография на конкурсном просмотре в Кремлевском театре была представлена фильмом «Посланец народа». Для очень многих зрителей это была первая встреча с монгольским кино. И можно с уверенностью сказать — она не оставила их равнодушными и разочарованными. Фильм подкупает своей ясностью и цельностью.

20-е годы. Огнем гражданской войны охвачены бескрайние просторы Монголии. Белые банды, местные феодалы стремятся уничтожить молодую, еще не окрепшую народную власть, готовят заговор. Но их замыслы разгадан группой патриотов. И вот уже мчится первый всадник с донесением о готовящемся заговоре. За ним погоня. Гонец ранен, он передает письмо Дарьбаазу. Тот отдает пакет своей жене Ариуне, а сам уносится в противоположную сторону, отклоняя на себя врага. В неравной схватке гибнет Дарьбааз, схвачена и Ариуна, но письмо вовремя доставлено Сухэ-Батору.

Таков сюжет «Посланца народа», во многом традиционный, очень несложный. Но в его границах режиссер Д. Жигид сумел показать и накаленную атмосферу классовых боев тех времен, и героические характеры представителей народа, людей большой воли и негибаемого мужества. Спокойно и простигает на подвиг Ариуну. Образ этой скромной и стойкой женщины в талантливом исполнении молодой артистки П. Цавалурин во многом опреде-

лил успех фильма. Нельзя забыть точно окаявшегося лица Ариуны, ее глаза, неотвратимо следящих за удаляющейся фигурой мужа, — она твердо знает, что им больше никогда не доведется встретиться. Мужественный и печальный взгляд женщины и навязчиво звучащее цоканье копыт уносящегося всадника. Создатель картины находит много тонких психологических нюансов для передачи душевного состояния героев. В этой картине присутствуют и поэзия, и большое эпическое обобщение.

Интересно сделаны в фильме сцены погон. Построены по принципу параллельного монтажа. Зрители Кремлевского театра дружно аплодировали кадром, изображающим бенено мчащегося всадника, отлучено сыноста с движения оператором О. Уртнасаном.

В своей работе над натурными сценами и пейзажными композициями Уртнасан находит много эмоциональных решений. Пейзаж в «Посланце народа» помогает глубже раскрыть содержание фильма, а не остается только фоном, на котором разворачивается действие. В работе со светом, в интерьере, несмотря на их большое разнообразие, оператор сохраняет единство образного решения.

Точные и тонкие психологические характеристики героев, интересное решение массовых сцен, ясность исторической обстановки и, главное, искренняя и страстная заинтересованность художников — все это делает новый монгольский фильм увлекательным и волнующим.

Леонид КОСМАТОВ

Кое-кто еще «Бородатые» банальности...

Кое-кто еще верит, что хорошие актеры могут сыграть телефонную книгу, наполнить обаянием, правдой и драматизмом кулинарные советы Елены Молоховец или интрижку по эксплуатации холодильника. Но некоторые фильмы, показанные на Московском международном фестивале, я надеюсь, окончательно развеют это заблуждение.

Фильм с участием Витторио де Сика, Альберто Сорди, Мишель Морган, Элеоноры Росси Драго, — ну как же его не посмотреть! В памяти встают знакомые образы, лица... Лунавини и задорный взгляд из-под черных бровей Витторио де Сика; удивительные васильковые глаза Мишель Морган — в них жила и любовь, и надежда; глубокий и печальный смысл комических трюков Альберто Сорди...

Переполненный зал отвечает одобрительным гулом на появление в титрах фильма «Зимние каникулы» всех этих прославленных имен и в ответ на первые же немудреные шутки разражается смехом. Но уже через четверть часа смех умолк, а еще через полчаса зрители ушли, а еще через полчаса зрители ушли, а еще через полчаса зрители ушли, а еще через полчаса зрители ушли, а еще через полчаса зрители ушли...

Площость так и лезла из каждого ярко раскрашенного кадра, из каждого эпизода, посвященного любовным утехам графини и виконтесс, модных кинозвезд и идиотических провинциалов, которых ничтожно сумасшедшие изображали прославленные артисты.

Имена Чаплина и Линдера для меня — святые имена. Я, как и множество кинозрителей всего мира, в восторге от комедий французца Тати, итальянца Тотто, англичанина Гиннеса, мексиканца Коппифласа. А на «Зимних каникулах» меня удержал только профессиональный долг кинокритика. Ах, как хотелось уйти вслед за зрителями, покидавшими зал.

Ну что ж! Бывают неудачи, бывают плохие комедии, скажут мне. Бывают, конечно. Но написать эти печальные строки побуждало меня то обстоятельство, что «Зимние каникулы» были на фестивале не одиноки.

«Подписывается дача» — шведский фильм. К сожалению, советские кинозрители мало знакомы с шведским киноискусством. У нас нет никаких powod сомневаться в единодушных утверждениях кинокритики разных стран, что режиссер Хассе Екман, и артисты Ева Дальбек, Бьон Андерссон, Гунар Бьернстранд — талантливые, интересные художники. Но что они вынуждены были разыгрывать в фильме «Подписывается дача»? Как папа изменил маме, потом мама — папе, потом дочка чуть

не согрелась с маминим любовником и как все это послужило... укрепленно

семью. За итальянцами и шведами пошли и австрийцы. Их «Неполющенный брак» посвящен «идеям», что прежде чем выйти замуж — девушка должна... приобрести, так сказать, опыт. И в этом фарсе участвует лучшая австрийская актриса Паула Вессели. И снова доверчивый смех в кинозале сменяется сначала унылым молчанием, а потом осторожным шарканьем уходящих.

И, честное слово, уходили не чопорные пуристы, не члены «армии спасения», которой, как известно, слава богу, у нас нет... Уходили и молодые, и старые люди, уходили от скуки, от неудачных шуток, от «бородатых» банальностей.

Унылое однообразие полуприличных ситуаций и удручающее отсутствие какой бы то ни было мысли в этих фильмах — свидетельство глубокого кризиса того направления в киноискусстве, которое стремится зрителя дурманять, отвлекать от жизни. Право, жаль хороших артистов, вынужденных участвовать в подобных картинах. Впрочем, они могли бы и отказаться. Ведь и впрямь лучше уж разыгрывать повзрелую лягушку.

Р. ЮРЕНЕВ

Я. БЕРЕЗНИЦКИЙ